

УДК 61(09):614.25-054.72(=161.1) (518.3) "19"

П.Э. Ратманов

Социально-экономическое положение русских врачей в Харбине в 1920-х гг.

Дальневосточный государственный медицинский университет, г Хабаровск
Контактная информация: П.Э. Ратманов e-mail: ratmanov@gmail.com

Резюме

В середине 1920-х гг. в Маньчжурии проживало до 250 русских врачей, большая часть из которых работало в Харбине. В отношении профессиональной адаптации русские врачи в Маньчжурии находились в более выигрышных условиях, чем их коллеги в Западной Европе.

Ключевые слова: Китай, Россия, эмиграция, врачи беженцы, история, XX век

P.E. Ratmanov

Social and welfare status of Russian physicians in Harbin in 1920-s

Far East State Medical University, Khabarovsk

Summary

In mid-1920s there were up to 250 Russian physicians in Manchuria; most of them lived in Harbin. Concerning professional adaptation Russian refugee physicians in Manchuria were in much better circumstances than their colleagues in Western Europe.

Key words: China, Russia, émigré, refugee physicians, history, XX century

Введение

После Гражданской войны в России в 1918-1922 гг. одной из стран, которые стали прибежищем для русских эмигрантов на несколько десятилетий, стал Китай. Неотъемлемой составной частью Российского зарубежья было Российское медицинское зарубежье – российская медицина, ее неутомимые работники – врачи и ученые-медики, волею судеб оказавшиеся за границами нашей страны.

Обсуждение

На основе анализа харбинской прессы (частные объявления и некрологи врачей), справочников «Весь Харбин» (медицинские указатели), а также личных дел врачей в архиве Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии (находящемся в Государственном архиве Хабаровского края), авторы пришли к выводу, что общая численность русских врачей в Харбине в 1922-1927 гг. колеба-

История медицины П.Э. Ратманов

Социально-экономическое положение русских врачей в Харбине в 1920-х гг.

лось в пределах 150-200 чел. Еще около 50 русских врачей проживало на станциях линии КВЖД. Итого, в середине 1920-х гг. в Маньчжурии проживало до 250 русских врачей [17].

Положение большинства русских врачей в Харбине в период Гражданской войны было относительно благополучным. Благодаря обширной русскоязычной клиентуре большинство из них быстро создавало и расширяло собственную врачебную практику. Материальное положение врачей было лучше, чем у большей части русских эмигрантов в Харбине в те годы.

До появления волны беженцев в 1920 г. жизнь в Харбине была дешевле, чем в России. Среди беженцев были богатые люди, приехавшие со своими накоплениями. Цены в Харбине сразу выросли. Благодаря этим богатым беженцам некоторые харбинские врачи сделали себе состояние. В это время частнопрактикующие врачи могли себе позволить отказывать платным пациентам.

Об одном таком случае осенью 1920 г. сообщала харбинская профсоюзная газета «Вперед». Русский житель Харбина обратился к женщине-врачу Гейман, прося ее приехать к больной жене около 11 часов вечера. Температура у больной была почти 40°C. Но слуга женщины-врача заявил, что ее нет дома и посоветовал об-

ратиться к дежурному врачу. Между тем, посетитель отчетливо слышал слова врача за дверью: «его не хочу» [3]. О подобных инцидентах, когда харбинские врачи отказывались выезжать в вечернее время на дом к пациентам, в конце 1920 – начале 1921 гг. неоднократно писала коммунистическая харбинская пресса [4].

Несмотря на присутствие русского уклада жизни в полосе отчуждения, сглаживавшего остроту социокультурного конфликта между беженцами и населением Маньчжурии, русские эмигранты испытали на себе все тяжести борьбы за существование. Как указывают исследователи, наиболее пластичным социальным слоем явилась интеллигенция, в т.ч. врачи, которые быстрее, чем другие представители эмигрантской диаспоры, адаптировались в новой среде [1].

Хотя положение врачей в Харбине в начале 1920-х гг. было лучше, чем остальных категорий беженцев из России, тем не менее, внутри врачебного сословия были свои бедные и богатые. В наилучшем положении оказались врачи Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), имевшие высокую зарплату и бесплатное жилье. Также неплохо устроились русские частнопрактикующие врачи, прибывшие в Харбин до 1920 г. и обладавшие некоторым стартовым капиталом. Как специалисты в Харбине, в

История медицины П.Э. Ратманов

Социально-экономическое положение русских врачей в Харбине в 1920-х гг.

первую очередь, ценились высококлассные хирурги, которых и в Сибири и на Дальнем Востоке были единицы, и которые в рекламе не нуждались. Они сразу же получали постоянные места в крупных больницах.

В связи с резким увеличением численности русского населения Харбина в городе стали создаваться частные и благотворительные лечебницы и больницы. В 1920 г. в Харбине было образовано несколько крупных коммерческих лечебных учреждений: лечебница врачей-специалистов доктора Б.И. Кауфмана на Пристани, новая лечебница врачей-специалистов, родильный дом доктора А.В. Маршада, лечебница Р.И. Перевозской. Это были лучшие больницы Харбина, там работали самые известные врачи, из-за высоких цен лечение в них было недоступно для обычных харбинцев, реклама этих лечебниц публиковалась почти во всех русских газетах города.

Китайское население Харбина, долго с недоверием относившееся к европейской медицине, в 1920-х гг. постепенно изменило свой взгляд на нее. С каждым годом росла посещаемость китайцами городской амбулатории и поселковой больницы. Поэтому российские врачи открывали в Фудзядяне (китайском пригороде Харбина) свои лечебные учрежде-

ния.

В середине 1920-х гг. в Харбине появились специализированные диагностические кабинеты и лаборатории, что говорит о высоком развитии рынка медицинских услуг. В городе российскими врачами были созданы частные независимые химико-бактериологические лаборатории и рентген кабинеты.

Основная часть русских врачей-беженцев в Харбине в начале 1920-х гг. не имела постоянного источника дохода и отчаянно пыталась или завести постоянную богатую клиентуру, или найти место работы со стабильным окладом. Уже в 1922 г. харбинские врачи стали жаловаться на отсутствие платежеспособной клиентуры. Бывало, проходили недели, когда к ним не обращалось ни одного пациента. Тем не менее, врачи регулярно платили за объявление в медицинских указателях харбинских газет (около 15 руб. ежемесячно в каждой газете).

Большинство российских врачей-беженцев в Харбине до революции и Гражданской войны находились либо на гражданской или военной службе, были наемными врачами в лечебных учреждениях многочисленных российских ведомств. Имея стабильный оклад в дореволюционной России, они не задумывались, как заработать денег на каждый день. С частной практикой почти никто

История медицины П.Э. Ратманов

Социально-экономическое положение русских врачей в Харбине в 1920-х гг.

из них не был знаком. Не случайно, что почти все частные лечебные учреждения в Харбине в начале 1920-х гг. создавались врачами, ранее имевшими свой медицинский бизнес в России. В этой связи, важное место в медицинском мире Харбина стали занимать землячества и университетские знакомства. Также в более выигрышной ситуации оказались российские врачи, знавшие иностранные языки, но таких были единицы.

Характерно, что в эти годы никто из русских, выброшенных волной Гражданской войны в Маньчжурию, эмигрантом себя не считал. Термин «беженец» предполагал скорое возвращение на освобожденную от большевиков Родину. С этим связано ощущение временности проживания в Китае, нежелание приспособиться к местным условиям, или даже выучить язык этой страны.

Отсутствие постоянного дохода вынуждало врачей ввязываться в сомнительные дела, например, выдачу подложных справок. Из-за этого между частным врачами и врачами КВЖД время от времени возникали конфликты. Например, осенью 1921 г. консилиум из 4-х частных врачей определил потерю трудоспособности служащему КВЖД в 70%. На повторном осмотре разразился скандал, когда врач КВЖД В.Л. Гродницкий обвинил частных врачей, что «они за 3 рубля

готовы из любого служащего не только больного, а и кормилицу сделать». В харбинской прессе этот инцидент получил название «дело о трёшке» [5].

Самое низкое место во врачебной иерархии Харбина занимали только приехавшие врачи-беженцы без гроша в кармане, и не имевшие нужных знакомств в городе. В конце 1922 г. харбинская газета «Заря» рассказывала об одном таком российском враче, который за 30 коп. в день снимал угол для ночлега и получал щи и чай днем. При этом днем он не имел права находиться в доме, а должен был выходить на улицу, чтобы заработать, как минимум, еще 30 коп. на следующую ночь. Этот доктор не упал духом, и стал зарабатывать выпиской рецептов прохожим на улице и в аптеке с надбавкой в 30-50 коп. к стоимости лекарства. Учитывая огромные гонорары популярных харбинских врачей этот «дешевый доктор» быстро приобрел популярность и вышел из нищенского существования [6].

Вместе с тем, были и такие врачи, которые не нашли себя на чужбине, и не смогли добиться прежнего благосостояния и общественного положения, или просто постоянный источник дохода. Жизнь этих людей складывалась трагически. Особенно это касалось военных врачей и бывших врачей-администраторов.

Неудачно сложилась в Харбине судьба бывшего военного врача и юриста Г.М. Панова. В 1921 г. он привлекался городским советом Харбинского общественного управления на борьбу с эпидемией чумы, но постоянную работу так и не смог найти. В своей квартире в бедном районе Харбина организовал доступную амбулаторию, однако его материальное положение оставалось катастрофическим. В 1925 г. доктор Г.М. Панов покончил жизнь самоубийством, приняв сильнодействующий яд [9].

16 июня 1922 г. в своем кабинете из револьвера застрелился доктор Ф.Ф. Пер, проживший в Харбине несколько лет. Незадолго до смерти он крупно задолжал, на все его вещи был наложен арест, и предстояла их продажа с публичного торга [15].

В декабре 1926 г. в Харбине умер доктор А.П. Веселков. В течение многих лет состоял старшим врачом Владивостокского морского госпиталя, а одно время – главным врачом Тихоокеанской эскадры. В 1922 г. он покинул Владивосток и эмигрировал в Шанхай. В Харбин приехал за 3 недели до кончины, в надежде устроиться, но заболел и умер. К месту вечного упокоения его проводили только двое, случайно узнавших о его смерти [10].

В январе 1927 г. в возрасте 62 лет в

китайской ночлежке скоропостижно скончался бывший врачебный инспектор Забайкальской области князь Гантимуров. В эмиграции он стал злоупотреблять алкоголем [14]. Эти люди испытывали не только материальные лишения и трудности, гораздо тягостней были их моральные, нравственные муки – несправедливая утрата всей прежней жизни, прежних традиций и порядков [12].

Благодаря тому, что врачи в дореволюционной России имели высокий социальный статус, по поводу каждой смерти врача харбинские газеты публиковали некрологи. Сколько было таких судеб среди беженцев – представителей других профессий, менее выгодных, чем врачебная, мы можем только догадываться.

Некоторые русские врачи в Маньчжурии, не найдя работы по специальности, становились преподавателями школ, гимназий и училищ. Преподавали они, как правило, гигиену и латинский язык. Но бывало, ради заработка врачам приходилось заниматься не неквалифицированным трудом

Китайские власти мало интересовались жизнью русских эмигрантов в Маньчжурии, они были предоставлены сами себе и жили достаточно свободно. Хабаровская исследовательница российской диаспоры в Китае Е.Е. Аурилене отмечает, что эта «свобода» означала как

История медицины П.Э. Ратманов

Социально-экономическое положение русских врачей в Харбине в 1920-х гг.

невмешательство китайской администрации в дела русских беженцев, так и беззащитность эмигрантов перед чиновниками, полицейскими или бандитами [2].

Поэтому в Харбине середины 1920-х гг. относительное благосостояние русских врачей имело и обратную сторону: они и их имущество не редко становились целью преступников. Вот только несколько таких фактов.

В январе 1924 г. был ограблен дом ординатора Центральной больницы КВЖД доктора М.Ю. Болухера, во время ограбления была убита его жена [7]. 17 февраля 1925 г. на ст. Фуляэрд хунхузами своей квартире был убит врач железнодорожного курорта И.И. Попов [16]. В июне того же 1925 г. доктор В.А. Казем-Бек под предлогом приглашения к больной был похищен бандитами с целью получения выкупа. За свое освобождение он заплатил 500 японских йен. Позже похитители были арестованы [8]. Весной 1929 г. на ст. Пограничная на приеме у доктора Н.Ф. Богунского молодой пациент устроил дебош, стрелял из револьвера и убил жену доктора – зубного врача [11].

Исследователь западноевропейской ветви российской эмиграции Л.А. Молчанов выделяет 3 основных фактора, препятствовавших профессиональной адаптации русских врачей: непризнание дипломов российских вузов в большин-

стве европейских стран, незнание врачами языков страны проживания и профессиональная конкуренция с местными врачами [13].

В этом отношении русские врачи-эмигранты в Маньчжурии находились в гораздо более выигрышных условиях. Во-первых, в Китае признавались не только российские дипломы, но даже и свидетельские показания о неполном высшем образовании. Во-вторых, многотысячная российская диаспора в Маньчжурии позволяла русским врачам обходиться многие годы без знания китайского языка. В-третьих, до середины 1920-х гг. в Китае не было медицинских вузов, которые вели преподавание на китайском языке. Молодые китайцы, пожелавшие стать врачами, вынуждены были обучаться в английских, французских или американских медицинских вузах на территории Китая (на западноевропейских языках), или ехать за границу. Китайских национальных медицинских кадров в 1920-е гг. катастрофически не хватало, особенно в провинции, какой и была Маньчжурия. Поэтому в 1920-х гг. китайские врачи в Харбине русским коллегам серьезную конкуренцию составить не могли.

Заключение

Конечно, указанные выше негативные факторы профессиональной адапта-

История медицины П.Э. Ратманов

Социально-экономическое положение русских врачей в Харбине в 1920-х гг.

ции русских врачей имели место в Китае, но все же в меньшей степени, чем в Западной Европе.

Список литературы

1. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920-50-е гг.). – Хабаровск, 2003. – С.23-24.
2. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920-50-е гг.). – Хабаровск, 2003. – С.25-26.
3. Вперед. – 1920. – 30 ноября
4. Вперед. – 1921. – 25 марта.
5. Заря. – 1921. – 28 ноября (веч.)
6. Заря. – 1922. – 19 октября. Вероятно, об этом же случае пишет Г.В. Мелихов в своей книге «Белый Харбин: середина 20-х» (С. 290).
7. Заря. – 1924. – 27 янв.; Вечерняя заря. – 1924. – 26 января
8. Заря. – 1925. – 21 июня.
9. Заря. – 1925. – 4 июня.
10. Заря. – 1926. – 7 декабря; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 в 6 т., Т.1. А-В. / Сост.: Чуваков В.Н.; Под ред. Макаревича Е.В. – М.: Пашков Дом, 1999. – С.549.
11. Заря. – 1929. – 14 марта.
12. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – С.285.
13. Молчанов Л.А. Профессиональные врачебные и педагогические журналы российской эмиграции 1920-1930-х годов как источник по истории адаптации интеллигенции // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв.: Сб. ст. / РАН. Ин-т истории; Под. ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1997. – С.112-119.
14. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 в 6 т, Т. 2. Г-З. / Сост.: Чуваков В.Н.; Под ред. Макаревича Е.В. – М.: Пашков Дом, 1999. – С.37.
15. Новости жизни. – 1922. – 17 июня. Доктор А.В. Сивре утверждал, что Ф.Ф. Пер был врачом-самозванцем, и застрелился он из-за угрозы разоблачения (Заря. – 1933. – 16 июля.).
16. Новости жизни. – 1925. – 20 февраля; Заря. – 1925. – 18 февраля
17. Ратманов П.Э. Правовое положение русских врачей в Маньчжурии в 1920-е гг. // Россия на берегах Тихого океана: прошлое, настоящее и будущее: сборник научных трудов по материалам межрегиональной научной конференции (8-9 сентября 2009 г.) / под. ред. В.Н. Тимошенко. – Хабаровск, 2009. – С.291-298